

УДК 82.091

Т. А. Ёлшина

*Костромской государственный технологический университет
elshina_46@mail.ru*

«ЕСТЬ ТРИ ЭПОХИ ВОСПОМИНАНИЙ...»

В статье исследуется восприятие И. А. Дедковым творческой и человеческой судьбы А. Н. Островского в нескольких аспектах: в мифологическом, биографическом, творческом и концептуальном.

Ключевые слова: феномен первого впечатления, амбивалентность отроческого взгляда на мир, невинная мифология судьбы, смоленская общность двух родов, генетическая память, священнические корни драматурга и литературного критика.

T. A. Yolshina

*Kostroma State Technological University
elshina_46@mail.ru*

«THERE ARE THREE ERAS OF MEMOIRS...»

The perception of creative and human destiny of Alexander Ostrovsky in several aspects by Igor 'Dedkov is investigated in the article in mythological, biographic, creative and conceptual.

Keywords: first impression phenomenon, boyish worldview ambivalence, destiny innocent mythology, Smolensk integrity of two genders, genetic memory, priesthood ancestry of both playwright and critic.

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая – как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным
И тело в их блаженствует тени.

Анна Ахматова

«Летом сорок восьмого года родители взяли меня с собой в отпуск куда-то под Кинешму. По объявлению в “Вечерней Москве” купили путевки в Дом отдыха Малого театра и поехали наудачу» (4, 24). Так состоялась первая встреча И. А. Дедкова со Щельковым, и это Щельково полностью соответствует элегическому мотиву ахматовской первой эпохи воспоминаний:

Душа под сводом их благословенным
И тело в их блаженствует тени (1, 219).

Душа подростка – ему той весной исполнилось 14 лет – чувствует себя под благословенным сводом, она защищена и оберегаема родительской любовью, а поэтому некая эйфория блаженства присутствует даже там, где царят высокомерные пожилые актрисы, где из храма доносятся печальные голоса хора. Полнота чувства запала в память навсегда и осталась в ней как печать на сердце. Такова сила первого впечатления, которое подсознательно оказывает влияние на человека весьма длительное время, потому что обладает удивительной устойчивостью. Феномен первого впечатления может влиять на наши суждения иногда в течение всей жизни.

Душа Дедкова долго находилась под сильным впечатлением щельковской воли и простора, сияющих под солнцем лугов, праздничных от ромашек. Но настоящее потрясение вовсе не было таким однозначным. Память подростка сохранила и церковную службу в Николо Бережках, он запомнил, «как страшно было переступить – впервые в жизни – порог церкви; печальные голоса хора, сумрак, душные, сладкие запахи – все говорило о чем-то мучительно-неизбежном, о чем не хотелось помнить» (4, 24).

Обратите внимание на точный выбор слов, которые ни о чем не говорят напрямую, но позволяют догадаться, что в храме идет заупокойная служба, что рядом с цветением жизни – прощание и смерть. И о смерти (обратите внимание!): «о чем не хотелось помнить». Другой

бы написал «не хотелось знать», но Дедков «знал», а потому и мог помнить – его детство прошло под угрозой туберкулеза, а в тех давних 40-х, туберкулез редко излечивался.

Сила щельковского впечатления – в его богатой наполненности, в амбивалентности отороческого представления о Щелькове, в котором жизнь вечная, цветение природного мира и чувство мучительно-неизбежной конечности собственной жизни навсегда сохранилось в растревоженной памяти подростка. Душа тянется туда, где была глубоко взволнована. Когда Дедков оглядывался назад, то думал, что Кострома была указана судьбой. Хотя при распределении на работу Дедков о Щелькове не вспомнил: не до того было в 1957 году, не до детских восторгов; он прямо признается, что долго не представлял себе, в чьих административных пределах находится Щельково.

И вот, уже будучи журналистом, Дедков оказался в командировке в Островском. Он не захотел докучать районному начальству просьбами о транспорте, отправился в Щельково пешком. «Снега в те дни выпало много, подтаяло; не дорога была, а серая, изнуряющая каша, сапоги скользили, но, что поделаешь, побрел. И даже волновался, думая о Щелькове. <...> надо же, притащила судьба, подстроила встречу...»

В Щелькове Дедкова ждало разочарование. «Медленно, словно растапливая в воображении сугробы и сбрасывая всему окрестному возраст, узнавал я спуск к Куекше, бревенчатый мост, старый парк с оградой по склону, поворот к усадьбе. Не узнавал даже, а скорее угадывал, но, разглядев вдруг маленький, увязший в снегу и заслоненный деревьями барский дом, вздрогнул от прилива памяти, от проблеска далекого летнего дня, солнечного крыльца, горячих перил, поворота ключа, прохладной темноты и тишины прихожей...» (4, 25). «...там громоздились теперь какие-то безобразные склады, сараи, навесы, нечто подсобное и беспорядочное, а все остальное уже растекалось в ранних сумерках. Беззвучное и монотонное, абсолютно чужое» (4, 26).

Вот она – вторая эпоха воспоминаний. Почти как у Ахматовой.

Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук, и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки с мылом,
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век – и тяжело вздыхают... (1, 219).

Кстати, эти сараи, склады и хозяйственные постройки – атрибуты Щелькова шестидесятых годов, когда директором дома-музея был бывший председатель колхоза. К счастью, горькие заметки Дедкова о зимних впечатлениях не завершают, а только открывают скрещение судеб Дедкова и Щелькова. Дедкова и Островского, Дедкова и Костромы. К счастью для нашего героя, третья эпоха воспоминаний не заканчивается так трагически, как шестая элегия Ахматовой. Причин тому много, и одна из них – новый заместитель директора музея-усадьбы Щельково В. Н. Бочков, стараниями которого облик Щелькова был изменен. Начиная с семидесятых годов Игорь Александрович Дедков и один, и всем семейством обожал приезжать туда. И приезжал туда не раз, и сохранилось много фотографий, писем и других свидетельств.

Третья эпоха воспоминаний Дедкова принципиально отличается от ахматовской. Напомним Ахматову:

И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)

Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает – мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой! (1, 219).

У Дедкова, к счастью, все было не так. Помните, как по пути в Щельково он проговорился: «Надо же, притащила судьба, подстроила встречу».

Литературный критик И. А. Дедков воспринимал жизнь драматурга А. Н. Островского с особым личным пристрастием, мифологизируя конкретные биографические детали, сопрягая собственную судьбу с судьбой А. Н. Островского. И для этого у Дедкова были определенные основания, хотя невинная мифология судьбы присутствует в жизни каждого человека. Нам интересно разгадывать тайный смысл своих поступков, придавая потустороннее значение неожиданным поворотам судьбы. Мы пытаемся расслышать или разобрать окликающие нас голоса мойр, прядущих нить нашей судьбы. Не был исключением Игорь Дедков. Однако обратимся к фактам. Он строил свою судьбу, равняясь на опыт Островского, он рецензировал спектакли на его пьесы с особым пристрастием, он создавал свою концепцию провинциальной литературы с думой об Островском.

Как известно, родиной Игоря Дедкова является город Смоленск. В годы зрелости Дедков в переписке с друзьями из Белоруссии демонстративно называл себя «крявiчем». Он изучал белорусский язык и считал, что даже фамилия его предков имеет белорусское происхождение – от слова «дзядок» (6, 228). Дедковы покинули Смоленск в 1941 году, после его захвата фашистами.

Много позже Дедков вспомнит об этом так: «...в двадцатых числах июня сорок первого года, едва ли не на другой день после первой, ночной бомбежки Смоленска, полуторка с маминой работы увозила нас, детей с бабушками, подальше от города, в какое-нибудь деревенское укрытие. Отец, уже в пилотке, гимнастерке и портупее, забежал, попрощался. Взрослые говорили: «Поживете там недельку-другую и вернетесь, война кончится» (4, 17). Однако поперек взрослых оптимистических прогнозов в душе ребенка шла своя незримая работа, сердце сжималось, душу охватило незнакомое чувство «как от любви и жалости к близкому и родному человеку» (4, 17). Детское ощущение, как в известном стихотворении Блока, оказывается куда сильнее и прозорливее взрослого дежурного оптимизма.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Уход Дедковых со Смоленщины был насильственным: «...мы бежали из Смоленска в ближние, а потом в дальние деревни, в ближние, а потом в дальние города, и назад уже не вернулись» (2, 3). Смоленский род Дедковых был многочислен, представителей этой фамилии отличала неудобная для власть предержащих неуступчивость. В памяти рода сохранилось предание об отце Петра Дедкова (точную родственную близость выяснить пока не удалось), который в 20-е годы, когда власти решили реквизировать церковные ценности, бросился их спасать и «в день их изъятия был ранен на ступенях собора», поскольку солдаты и милиция открыли стрельбу (3, 159).

Но и род Островских переселился на костромскую землю из Смоленска также после военных действий: после захвата Смоленска Польшей в начале XVII века. Вот как рассказал об этом факте В. Н. Бочков: «В начале XVII века, после захвата Смоленска Польшей, многие

местные служилые люди переселились в глубь русской земли. Тогда-то род Островских и был испомещен в Солигаличском уезде. Потомки смоленских выходцев осели в своих небогатых усадьбах, служили, иные переписались в духовное сословие. В начале 1780-х гг. привезли из Солигалича учиться в духовной семинарии в Костроме подростка Федора Островского» (5, 9). И хотя костромской краевед В. Н. Бочков был связан с Дедковым долгими дружескими отношениями, мы не можем утверждать, что Игорь Дедков знал об удивительной смоленской общности Дедковых и Островских. Каким бы ни был ответ на этот вопрос, сам факт переплетения родовых корней весьма симптоматичен.

Хорошо известно, что дед А. Н. Островского был костромским протоиереем, да и все предки по отцовской линии принадлежали к духовному сословию и жили в Костроме. Дед будущего драматурга Федор Иванович, первым из династии Островских оказавшийся в Москве, первым пережил обрушившееся на него вдовство, а потом и уход старшего сына, со стези священнослужителей, что было для отца весьма болезненно. Приняв схиму, отец Федор в Донском монастыре считался великим аскетом, о его строгой жизни сложатся целые легенды. А избравший юридическую стезю старший сын Николай Федорович впоследствии переживет «побег» из отцовской юридической профессии собственного старшего сына – будущего великого драматурга Александра Николаевича Островского.

Итак, мы хорошо знаем, что Островский принадлежал по рождению к среде небогатого духовенства: «Семинаристом, выбившимся в чиновники, был отец Островского, дочерью просвирни была его мать, священником был его дед по отцу, пономарем – дед по матери» (3, 246). Но мало кто знает (советские люди умели хранить тайны своего происхождения, поэтому сам И. А. Дедков узнал об этом только в 1979 году), что прадед Дедкова со стороны матери был священником.

26 апреля 1979 года Дедков участвовал в работе Совета по критике и пробыл в Москве около недели. По приезде в Кострому он делает запись в дневнике 2 мая 1979 года. Запись настолько важна, что хочется процитировать ее полностью: «Надо записать еще из московского. Всё допытывался у мамы: кто же такие Богдановичи? Кто отец братьев Богдановичей? То есть прадед мой с материнской стороны? Неохотно, но мама все-таки сказала на этот раз, что рано умерший дед ее был священником. Так выходит, что мамина линия – дворянская семья и священническая, линия отца – из смоленских мастеровых... Я просил отца, чтобы он записал все, что помнит о родословной, и отдал мне. Мама, конечно, ничего подобного писать не захочет. Она сама в разговоре сказала, что время было такое, что лучше было помнить поменьше» (3, 246).

Это знание стало для Дедкова, безусловно, сильнейшим толчком из генетической памяти рода. Он не забыл этого открытия, хотя никогда публично не упоминал о своих священнических корнях (урок матери), никогда не писал о силе «левитского корня», как это делал, например, Владимир Соловьев. Но можем ли мы с уверенностью сказать, что Дедков об этом не думал?

Удивимся и порадуемся, что судьбы наших героев сопрягаются сразу по нескольким параметрам. Во-первых, их соединяет пребывание в историко-культурном пространстве России в кризисные, военные периоды отечественной истории. Во-вторых, их роднят генетические корни, которые прочно удерживают героев в пространстве православной нравственной традиции. Историко-культурная общность двух творческих личностей, незаметная на первый взгляд, разворачивается впоследствии, становясь частью «почвы и судьбы» Игоря Дедкова.

Литература

1. *Ахматова А. А.* После всего: в 5 кн. / предисл. Р. Д. Тименчика; сост. и прим. Р. Д. Тименчика и К. М. Поливанова. М., 1989.

2. Дедков И. А. «Во все концы дорога далека...» Литературно-критические очерки и статьи. Ярославль, 1981.
3. Дедков И. А. Дневник. 1953–1994 / сост. и прим. Т. Ф. Дедковой. М., 2005.
4. Дедков И. А. Эта земля и это небо: Очерки. Заметки. Интервью. Дневниковые записи о культуре провинции 1957–1994 годов / сост. Т. Ф. Дедкова; отв. ред. Н. В. Муренин. Кострома, 2005.
5. Лакшин В. Я. А. Н. Островский. М., 1976.
6. Сидоревич А. Письма русского интеллигента // Неман. 2000. № 10.

УДК 82.09; 821.161.1.09"19"

Е. А. Акелькина

*Омский региональный научно-исследовательский центр изучения творчества Ф. М. Достоевского при ОмГУ им. Ф. М. Достоевского
fmdostocentr@yandex.ru*

**КНИГА СУДЬБЫ
(ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ МОНОГРАФИИ
ОМСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДА-ТЕОРЕТИКА М. В. ЯКОВЛЕВОЙ
«О ПРИРОДЕ ЭПИЧЕСКОГО» 1970-Е ГГ.)**

Эта статья посвящена биографии и судьбе неопубликованных работ омского теоретика литературы («шестьдесятницы») М. В. Яковлевой, написанных в 1970-е годы.

Ключевые слова: эпос, эпическое сознание, поэтика, событие.

Ye. A. Akel'kina

*Omsk Regional Research Centre of Dostoyevsky's Creative Works Study in Omsk State University
fmdostocentr@yandex.ru*

**THE BOOK OF FATE
(RETURN OF UNPUBLISHED MONOGRAPHY
BY OMSK LITERARY THEORIST MARGARITA YAKOVLEVA
«ABOUT NATURE OF EPOS», 1970S)**

The article is about biography of Omsk literary theorist Margarita Yakovleva and the fate of the unpublished works, written by her in the 1970s.

Keywords: epic, epic consciousness, poetics, event.

В преддверии года литературы и 85-летия автора омские гуманитарии Центра изучения творчества Ф. М. Достоевского опубликовали книгу своей научной руководительницы Маргариты Владимировны Яковлевой (матушки Мариин). Первоначально автором книга была названа: «Разгадывание тайны: о познании родовой сущности человека средствами эпоса». Главная заслуга в публикации книги М. В. Яковлевой принадлежит её ученице профессору Миньоне Савельевне Штерн: именно она собрала оставшиеся фрагменты, снабдила их прекрасной вступительной статьей, сделала частичную редакторскую правку. Участие остальных учеников автора было минимальным. К нашей общей радости долгожданная книга вышла.

Эта работа, написанная в начале 1970-х годов, представляла собой огромную рукопись – около 1000 страниц машинописного текста. Рукопись привлекала новизной понимания духовной природы эпического рода, теоретическим пафосом методологии анализа эпического слова и сознания и, конечно, материалом (от «Махабхараты», Библии и «Илиады» до русской прозы XIX века и XX века). К сожалению, отдельные части рукописи утрачены, однако основные разделы, отражающие структуру книги, вошли в опубликованное издание.

Одной из причин, по которой книга не увидела читателя, была синтетическая, интегративная методология исследования, выявляющая духовные основы русской и мировой литературы через родовое сознание эпического рода. Пока создавалась книга, её автор М. В. Яковлева читала в омском педагогическом институте кроме курса по теории литературы спецкурс об